

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 197–206.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 197–206.

Научная статья

УДК 344.1(470)(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/197-206>

Военно-уголовное право как подотрасль уголовного права: исторический аспект

Александр Сергеевич Усенко

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Российская Федерация

✉ t055tt123@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению исторической парадигмы эволюции военно-уголовного права как подотрасли уголовного права. Цель данного исследования – обоснование тезиса о подотраслевом характере этой совокупности специфических уголовно-правовых предписаний. В работе использованы методы логического и системного анализа, проведён контент-анализ публикаций и мнений представителей отечественной правовой науки о генезисе военно-уголовного права. Автором анализируется значение исторического аспекта подотраслевого уровня организации уголовного права как основы для совершенствования современной структурной организации отрасли.

Ключевые слова: уголовное право, кодификация права, подотрасль уголовного права, источник права, военно-уголовное законодательство, военная служба, воинский артикул

Для цитирования: Усенко А.С. Военно-уголовное право как подотрасль уголовного права: исторический аспект // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 197–206.

Original article

Military criminal law as a sub-branch of criminal law: historical aspect

Alexander S. Usenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ t055tt123@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the historical paradigm of the evolution of military criminal law as a sub-branch of criminal law. The purpose of this study is to substantiate the thesis about the sub-branch nature of this set of specific criminal law regulations. The research work uses the methods of logical and systemic analysis, a content analysis of publications and opinions of representatives of domestic legal science on the genesis of military criminal law. The author analyzes the significance of the historical aspect of the sub-branch level of the organization of criminal law as a basis for improving the modern structural organization of the branch.

Keywords: criminal law, codification of law, sub-branch of criminal law, source of law, military criminal legislation, military service, military article

For citation: Usenko A.S. Military criminal law as a sub-branch of criminal law: historical aspect. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 197–206. (In Russ.).

Введение

Архитектоника российского уголовного права включает в качестве одного из своих факультативных элементов подотрасли. Традиционно отечественная доктрина иллюстрирует эту особенность на примере военной компоненты. В истории до создания регулярной армии нормы военно-уголовного права не представляли в своей совокупности сколько-нибудь значимого правового образования. Как правило, нормы об ответственности за воинские преступления предусматривались в законах, носящих комплексный характер.

Начиная с Артикула воинского 1716 г. и до начала советского периода нормы военно-уголовного права как в самом праве, так и в законодательстве стали принципиальным образом обособляться от общеуголовного и военного права в отдельных нормативных правовых актах, образуя самостоятельную систему, что и даёт повод рассматривать эту совокупность предписаний как отдельный структурный компонент.

Данные обстоятельства и привели к научной дискуссии о качественной характеристике военно-уголовного права: это самостоятельная отрасль права или её структурный элемент в виде подотрасли?

Результаты исследования

Отечественное уголовное право в XVIII в. характеризовалось двумя взаимонаправленными векторами развития: интеграцией уголовно-правовых норм, их содержательной унификацией и формальным разрастанием источников. Создание при Петре I регулярной всесословной армии европейского образца и потребность в жёсткой регламентации отношений в сфере военной службы привели к утверждению Артикула воинского 1715 г. и Морского устава 1720 г. По мнению Т.Ю. Сухондяевой, именно в этот период происходит отраслевая дифференциация норм военно-уголов-

ного законодательства, которое заменяет крупные законодательные акты межотраслевого характера предшествующего периода [1].

Интеграционные процессы, приведшие к созданию Соборного уложения в середине XVII в., исчерпав свой потенциал, не могли адекватно реагировать на социально-политические преобразования петровской эпохи, а уровень юридической техники отставал от вызовов, требующих немедленного и соразмерного отражения правового регулирования в нормативных источниках. Поэтому прикладная правовая мысль пошла по пути создания самостоятельных, предназначенных для регулирования особой группы уголовно-правовых отношений кодексов, что можно воспринимать как свидетельство содержательной и формальной дифференциации уголовного права, непосредственно связанное с формированием одной из его подотраслей – военно-уголовного права.

Особенностями этого процесса выступало, по сути, не эволюционное развитие действующих нормативных положений, их приспособление к изменяющимся социальным условиям, а направленность на формирование нового, отдельного блока предписаний, специально предназначенных для решения задачи поддержания военной дисциплины посредством уголовного закона.

При этом специфика теоретической идентификации военно-уголовного права обусловлена генезисом его возникновения. Во-первых, в рассматриваемый период одновременно создаются два военно-уголовных закона, дифференцированных по сфере применения, – армия и флот, что ставит вопросы их внутреннего согласования и соотношения. Так, если П.С. Ромашкин и А.В. Наумов считают, что уголовно-правовые постановления Морского устава почти дословно повторяли Воинский устав [2; 3], то Н.Д. Дурманов видел между ними ряд принципиальных отличий [4]. Во-вторых, Артикул и устав, при их единой направленности, в структуре права были позиционированы различным образом. На это обратил внимание Н.Д. Дурманов, который доказал, что Артикул воинский всегда воспринимался как самостоятельный, отдельный от Соборного уложения и не являющийся частью Воинского устава собственно уголовный закон, тогда как Морской устав – документ военного права, лишь структурной частью которого выступали уголовно-правовые предписания, в основном, но не полностью сосредоточенные в книгах пятой и шестой [4]. В-третьих, наличие специальных уголовно-правовых актов обуславливает неоднозначность решения вопроса о персональной сфере их применения. А.В. Наумов, к примеру, пишет, что Воинский артикул применялся не только к военным служащим [3]; П.С. Ромашкин и Н.Д. Дурманов, напротив, последовательно доказывают, что Артикул воинский при Петре I не был официально распространён на общегражданские суды, Петр I рассматривал артикулы как закон, подлежащий применению только в специальной сфере и требующий для своего применения в общих судах особого о том каждый раз указа [2; 4]. Наконец, в-четвёртых, Воинский артикул, в отличие от Собор-

ного уложения, которое являлось сводом разноотраслевых законов, и в отличие от Морского устава, который являл собой комплексный правовой акт, был специальным, одноотраслевым нормативным правовым документом, содержащим нормы военно-уголовного законодательства.

Несмотря на указанные обстоятельства, это, по сути дела, был первый в истории российского уголовного законодательства опыт институциональной кодификации военно-уголовного права, который стал одновременно и отражением наметившегося подотраслевого строения уголовного права, и основой для последующего его развития. Причём опыт этот настолько удачный, что лишь сто лет спустя отдельные главы Воинского артикула были заменены новым Полевым уголовным уложением 1812 г., а окончательно действие Артикула было отменено только в 1839 г. в связи с принятием Военно-уголовного устава.

Последующее развитие права признало обоснованность самостоятельной регламентации военно-уголовных правоотношений, что было подтверждено изданием в 1868 г. Воинского устава о наказаниях и в 1879 г. Военно-морского устава о наказаниях. Причём первые статьи этих документов чётко фиксировали их дополнительный и специальный статус, предписывая, что «во всех тех случаях, для коих настоящим уставом не постановлено изъятий или особых правил, к лицам, подлежащим действию военно-уголовных законов, применяются, относительно преступлений, проступков и наказаний, общие постановления действующих по гражданскому ведомству уголовных законов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями)» [5, с. 1].

Такой дополнительный и специальный статус военно-уголовных законов дал основание Н.С. Таганцеву сделать важное в теоретическом плане заявление: «Постановления о специальных воинских преступных деяниях, а равно об ответственности военных за некоторые общие преступные деяния, хотя и были включены в отдельные сборники законов, представляются только отдельными узаконениями, дополняющими общие уголовные законоположения, но не могут образовывать самостоятельной отрасли законодательства. Поэтому изучение военно-уголовных законов, хотя и может быть предметом особой литературы, особых курсов, не может составить особой самостоятельной отрасли уголовного права» [6, с. 111].

Существенным образом ситуация с организацией военно-уголовных норм изменилась в советское время, но даже тогда специфика уголовно-правовой регламентации военных отношений сохранилась [7]. УК РСФСР 1922 г. включил в свой состав главу о воинских преступлениях. Тем самым военно-уголовное законодательство было интегрировано в общую систему уголовного законодательства и лишено статуса институционально кодифицированного акта. С образованием СССР и принятием Конституции 1924 г., согласно которой издание законов о воинских преступлениях было отнесено к компетенции СССР, были приняты общесоюзные акты: Поло-

жение о воинских преступлениях в 1924 и 1927 гг., а позднее, в 1958 г., – Закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления»¹. Названные акты не содержали отдельных предписаний, относимых к Общей части (в этом отношении действовали общие нормы), были инкорпорированы в структуру всех республиканских уголовных законов для обеспечения единства законоположений и не применялись самостоятельно как отдельные уголовные законы [8]. Таким образом, заключает Н.Д. Дурманов, «в СССР не было и нет самостоятельного военно-уголовного законодательства» [9, с. 170], а предложения о создании военно-уголовного кодекса не встречают поддержки у теоретиков.

Унификация и консолидация военно-уголовных правовых норм, конечно, пошатнула их особый статус в структуре отрасли уголовного права, лишила нормативных оснований саму идею о признании военно-уголовного права подотраслью права уголовного. Однако идея эта никогда не исчезала в теоретических рассуждениях полностью, но была лишь вытеснена на периферию научного дискурса об отраслевой структуре уголовного права, будучи замкнутой по преимуществу в корпоративных интересах учёных военных вузов. М.В. Чхиквадзе, например, в 1948 г. писал, что военно-уголовное право есть особая отрасль советского уголовного права [10]. Им же был разработан проект Военно-уголовного кодекса СССР [11]. В последующем этот подход был подвергнут жёсткой критике как «вредный» и «несостоятельный» [12, с. 67]. Но уже в 70-е гг. XX в. идея военно-уголовного права была возрождена. Х.М. Ахметшин рассматривал военно-уголовное право в качестве подотрасли уголовного права и законодательства [13]. С тех пор обсуждение статуса военно-уголовного права мало продвинулось вперёд. Дискурс остался «замороженным». И только в последние годы он возобновляется уже в новых условиях и новых рамках более широкого обсуждения тезиса о подотраслевом строении уголовного права.

Отмечаемые выше процессы унификации, дифференциации уголовно-правовых норм и их институциональной кодификации, ознаменовавшиеся реализацией идеи военно-уголовного права в XVIII в., были с особенной силой продолжены в XIX столетии, которое вошло в историю российского права как период его бурного и динамичного реформирования, заложившего во многом основы современного строения и наполнения правовой системы.

Характеризуя источники уголовного права России второй половины XIX в., до-революционные авторы отмечали их множественный характер, попутно делая весьма ценные для их современного теоретического понимания замечания.

¹ Постановление ЦИК СССР от 31.10.1924 «Положение о воинских преступлениях» // Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 207; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1927 «Положение о воинских преступлениях» // Собрание законодательства СССР. 1927. № 50. Ст. 505; Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за воинские преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10.

На рубеже столетий стала традиционной классификация источников уголовного права на «общие» (с вычленением в них главного – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – и дополнительных актов – Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. и Уголовного уложения 1903 г.) и «особенные» источники, регулирующие уголовно-правовые отношения на отдельных территориях империи, в отношении отдельных лиц или в отношении некоторых особых преступлений. Такая система сама по себе ставила вопрос о структурно-отраслевом статусе особенных и дополнительных уголовно-правовых норм.

Не повторяя сказанного относительно военно-уголовных правовых норм, претендующих на роль подотрасли уголовного права, следует обратить внимание на иные аспекты.

Российская империя характеризовалась сложной территориальной организацией уголовной юрисдикции страны. Наличие отдельных уголовных законов, пространственно ограниченных периферией, не усложнило внутреннего строения отрасли, а свидетельствовало об организации системы права и системы законодательства империи, допускавшей в установленных ей самой пределах сосуществование региональных законов [14].

Такая ситуация характерна для государств, складывающихся на основе объединения нескольких территорий с самостоятельной правовой историей и традициями, что было продолжено и в XX столетии в связи с образованием СССР, знавшим и общесоюзное уголовное законодательство, и региональное, республиканское.

Кроме вопросов юрисдикции следует обратить внимание на оценку тех источников права, которые регулируют содержательно специфическую область отношений, возникающих в связи с совершением преступлений.

Здесь на первое место выходят источники, регулирующие правоотношения по поводу уголовно-противоправных деяний, не представляющих большой общественной опасности. Главный из них – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. [15], которым руководствовались общие и мировые суды. К этой группе источников примыкают также Устав Сельский Судебный 1839 г. [16], предназначенный для применения крестьянскими судами, а равно нормы обычного права, применяемые в ситуации совершения маловажных преступлений на территориях окраин империи представителями кавказских, степных кочевых, сибирских народностей.

Появление Устава о наказаниях 1864 г. стало результатом судебных реформ и связанного с ним пересмотра Уложения о наказаниях 1845 г. В материально-правовом отношении суть Устава состояла в обособлении правовой регламентации ответственности за деяния, не обладающие большой общественной опасностью, – проступки. В него были перенесены некоторые предписания Уложения 1845 г. «с удержанием его основных положений, но с отступлением... в некоторых частях от его системы и постановлений сообразно изменившимся со времени издания уложения

взглядом и потребностям, вызвавшим коренные преобразования в самом этом законе»; кроме того, «в уставе находим свою общую часть, во многом отличную от общей части уложения» [17, с. 97].

Важно отметить, что современники Устава, признавая его несомненные содержательные и юридико-технические достоинства по сравнению с Уложением, критически относились к самой идее существования двух самостоятельных уголовных законов. Н.С. Таганцев, например, считал, что появление Устава «внесло новую неурядицу в наше уголовное законодательство, так как самое одновременное существование двух общих уголовных кодексов, с различием в некоторых основных учениях о преступлении, об определении меры ответственности и т.п., представлялось и теоретически несостоятельным, и практически вредным, в особенности ввиду того, что оба кодекса регулировали преступные деяния, отличающиеся не родовыми, а видовыми признаками, что оба они нередко применялись одними и теми же судами» [6, с. 105].

Таким образом, доктрина XIX в. признавала военно-уголовное направление в качестве структурного элемента уголовного права.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения исторических аспектов формирования и развития подотраслей в уголовном праве, стоит отметить, что значимая для формирования подотраслевой структуры уголовного права дифференциация правового регулирования всегда была связана с крупными социальными проектами, в частности с устройством регулярной армии, судебными реформами и организацией исполнения уголовных наказаний. Причём содержательное уголовно-правовое сопровождение этих проектов, как правило, приводило к формальному обособлению соответствующих норм в самостоятельные нормативные правовые акты, которые тем не менее не свидетельствовали о разрыве их генетической связи с уголовным правом, что даёт основание усматривать в этих процессах отражение идей именно подотраслевой организации уголовного права. При этом несомненно то, что формирование подотраслевых блоков в структуре уголовного права не является процессом с заранее заданным результатом, а потому развитие права и отражённых в нём социальных процессов накладывало свой отпечаток на логику дифференциации уголовно-правовых норм, в частности норм военного уголовного права, которое, вне зависимости от того, были ли соответствующие нормы обособлены в отдельный закон или инкорпорированы в уголовный кодекс, всегда оставалось частью отрасли уголовного права, возникло и развивалось именно как его подотрасль.

Список источников

1. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX в.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 23 с.

2. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 96 с.
3. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. М., 2021. 704 с.
4. Памятники русского права. В 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. 668 с.
5. Воинский устав о наказаниях 1869 года // Свод военных постановлений. URL: <https://www.prlib.ru/item/443309>.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: часть общая: [в 2 т.]. Т. 1. М., 1994. 419 с.
7. Закомолдин Р. В. Становление отечественного военно-уголовного законодательства в советский период (1918–1991 гг.) // Армия и общество. 2013. № 4 (36). С. 51–58. EDN: RTCNYT.
8. Шаргородский М. Д. Курс уголовного права. Т. 3. Уголовный закон. М., 1948. 312 с.
9. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967. 319 с.
10. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. 451 с.
11. Чхиквадзе В. М. О необходимости создания военно-уголовного кодекса Союза ССР. С прил. Проекта военно-уголовного кодекса СССР. М., 1947. 60 с.
12. Ермолович Я. Н. Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 64–73. EDN: WVIEZD.
13. Ахметшин Х. М. Советское военно-уголовное законодательство: учеб. пособие. М., 1972. 93 с.
14. Кодан С. В. Становление системы законодательства Российской Империи (XIX – начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1 (14). С. 60–71.
15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1867. 45 с.
16. Волчков В. Руководство для крестьян: сборник действующих узаконений, касающихся общественных их управлений и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880. 256 с.
17. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. 618 с.

References

1. Sukhondyaeva T. U. Rossijskoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo i ego evolyuciya v period absolyutizma (XVIII – nachalo XX v.): istoriko-pravovoe issledovanie [Russian military-criminal legislation and its evolution during the period of absolutism

(18th – early 20th centuries): historical and legal research]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. St. Petersburg, 2006. 23 p.

2. Romashkin P. S. Osnovnye nachala ugolovnogogo i voenno-ugolovnogogo zakonodatel'stva Petra I [Basic principles of criminal and military-criminal legislation of Peter I]. Moscow, 1947. 96 p.

3. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii [Crime and punishment in the history of Russia]. In 2 parts. Part I. Moscow, 2021. 704 p.

4. Sofronenko K. A. (ed.). Pamyatniki russkogo prava. V 8 vyp. Vyp. 8. Zakonodatel'nye akty Petra I, pervaya chetvert' XVIII v. [Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I, first quarter of the 18th century]. Moscow, 1961. 668 p.

5. Military Regulations on Punishments of 1869 // *Svod voennykh postanovlenij*. URL: <https://www.prlib.ru/item/443309>. (In Russ.).

6. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii: chast' obshchaya: [v 2 t.]. [Russian criminal law. Lectures: General Part: [in 2 volumes]]. Vol. 1. Moscow, 1994. 419 p.

7. Zakomoldin R. V. Stanovlenie otechestvennogo voenno-ugolovnogogo zakonodatel'stva v sovetskij period (1918–1991 gg.) [Formation of domestic military criminal legislation in the Soviet Period (1918–1991)]. *Armiya i obshchestvo*, 2013, no. 4 (36), pp. 51–58.

8. Shargorodsky M. D. Kurs ugolovnogogo prava. T. 3. Ugolovnyj zakon [Course in criminal law. Vol. 3. Criminal law]. Moscow, 1948. 312 p.

9. Durmanov N. D. Sovetskij ugolovnyj zakon [Soviet criminal law]. Moscow, 1967. 319 p.

10. Chkhikvadze V. M. Sovetskoe voenno-ugolovnoe pravo [Soviet military criminal law]. Moscow, 1948. 451 p.

11. Chkhikvadze V. M. O neobходимosti sozdaniya voenno-ugolovnogogo kodeksa Soyuza SSR. S pril. Proekta voenno-ugolovnogogo kodeksa SSSR [On the need to create a military criminal code of the USSR. With an appendix to the draft military criminal code of the USSR]. Moscow, 1947. 60 p.

12. Ermolovich Ya. N. Voенно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода [Military criminal law as a sub-branch of military law: practical issues of implementing the approach]. *Pravo v Vooruzhyonnyh Silah – Voенно-правовое обозрение*, 2021, no. 12 (293), pp. 64–73.

13. Akhmetshin Kh. M. Sovetskoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo: ucheb. posobie [Soviet military criminal legislation: textbook. Manual]. Moscow, 1972. 93 p.

14. Kodan S. V. Stanovlenie sistemy zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii (XIX – nachalo XX v.) [Establishment of the Russian Imperial legislative system (19th-beginning 20th centuries)]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2011, no. 1 (14), pp. 60–71.

15. Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'yami [Charter on punishments imposed by justices of the peace]. St. Petersburg, 1867. 45 p.

16. Volchkov V. Rukovodstvo dlya krest'yan: Sbornik dejstvuyushchih uzakonenij, kasayushchihsya obshchestvennyh ih upravlenij i obyazannostej sel'skih i volostnyh dolzhnostnyh lic i nizhnih chinov uездnoj policii [Volchkov V. Guide for peasants: A collection of current laws concerning their public administration and the duties of rural and volost officials and lower ranks of the district police]. Moscow, 1880. 256 p.

17. Belogritys-Kotlyarevsky L. S. Uchebnik russkogo ugolovnogogo prava. Obshchaya i Osobennaya chasti [Textbook of Russian criminal law. General and Special Parts]. Kyiv, 1903. 618 p.

Информация об авторах / Information about the authors

А.С. Усенко – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация),

✉ t055tt123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3453-3315>

A.S. Usenko – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 13.05.2025.